

ЮРИЙ ШЕВЧУК

поэт, музыкант, лидер рок-группы DDT

ПРАВДА ГОЛЫХ СЛОВ

Когда-то мнение о достоинстве литературного текста формировалось в салонах, не так давно в идеологических комитетах и совсем недавно, еще вчера, в раздробленных, не слышащих друг друга писательских общинах. Подлинная литература сегодня различается не столько хорошим вкусом и начитанностью, — этого уже не достаточно — сколько настроенностью на живое, — по нашему произвольному определению. Это сродни миноискателю, который настроен на все металлодержащие в своем составе. Если у вас, читатель, есть эта настроенность, то вы без труда распознаете в личном составе всякого автора настоящую жизнь.

У Юрия Шевчука вышла новая книга «Сольник», которая включает стихи и песни разных лет. Книга — всегда повод поразмышлять о сути творчества. К сожалению, это небольшая часть того, что было написано за двадцать лет. Пропорционально внутренним изменениям человека меняется и стилистика его словотворчества, но что-то всегда остается неизменным. В данном случае — это страсть всякому явлению и предмету давать свое имя. Это чистое и непосредственное желание словно откликается на заповедь, данную Адаму: Я — создал мир, ты — дашь имя всему живому. Есть стихи, которые построены исключительно на номинативных предложениях («Дуэль», «Ларек», «Кавказские войны» и другие). Действие там развивается столь стремительно, что в сознании, как зарубки, остаются лишь верстовые столбы времени.

В этой поэзии почти неразличимы тексты песен — стихи, рожденные одновременно с музыкой и просто стихи, — настолько целен их поэтический образный строй и неизменен энергетический импульс. Для тех, кто знаком лишь с песенным

творчеством Юрия Шевчука, это может стать откровением. Тексты многих его песен сложно воспринимать на слух, обычно настроенный на отдых («Садовое кольцо», «Мертвый город» и др.). На бумаге же они выглядят просто и убедительно.

При всем жанровом разнообразии текстов, а это и зарисовки, и притчи, и посвящения, и монологи — в каждом из них неизменно присутствует драматургия, по которой только и определяется настоящее стихотворение. Читателя, мало знакомого с поэзией 20 века, может смутить нарочитая шероховатость этих стихов, не позволяющая пускаться в безмятежное душевное плавание. Вы как будто переправляетесь через бурный поток, по еле заметным каменным точкам над его поверхностью. Путешествие опасное, но увлекательное.

Классическая форма стиха, с правильной рифмой и в традиционных размерах, исчезает, почти исчезла вместе с ясным и целостным мировосприятием. Форма стиха сегодня тождественна имманентному состоянию души. Если она прибывает в гармонии с миром и с собой, то рождаются удивительные по красоте строки: *«ты вспоминала обо мне, не знала, что настолько грешен в Иерусалимском серебре вид голых яблонь и черешен»*. Если же царящий вокруг хаос надрывает ее, то в стихах происходит подобный тектоническому сдвиг:

*Небо треснуло медным колоколом,
залепил грязный свет слюнявые рты.
Вороны черными осколками
расплевали кругом куски тишины.*

По этим колебаниям формы мы можем судить о том, что происходит с миром, с каждым из нас. Импрессионизм, даже философский, не дает ответ на вопрос: хорошо то, что с нами происходит или нет? Но он хорош тем, что ставит этот вопрос, в котором заключена нравственная суть. Очень полезно знать, что данная картина мира — правда.

Выплеск пассионарной энергии произошел в 70-е годы, в новом — третьем от начала трагического 20 века поколении. Оно имело страсть, волю, не знало страха, словом, было свободным. В этом поколении и родился рок-н-ролл, на русской почве явление своеобразное — более литературное, чем музыкальное. С личностью Юрия Шевчука не одно поколение связывает образ бунтаря байроновского типа. Неизменно вдохновляет его убежденное стояние на рубежах свободы, всегда ясное понимание самой двусмысленной ситуации и решительное действие на стороне наиболее уязвимых. Канули советские черно-белые времена, когда бороться за свободу было даже радостно: враг виден, друг осязаем, — черту провели за тебя. Гражданский пафос Юрия Шевчука не изменился, — достаточно прочесть стихотворение «Родина» 1989 года, затем «Коммунизм» 2007 года, — но приобрел вселенский масштаб: *«Двойного гражданства у неба нет...»* (стихотворение «Наша борьба»).

Человек — звучит гордо только в гуманистическом контексте. Эпоха титанов, сокрушителей гнилой государственности для внутреннего человека Юрия Шевчука закончилась. Противостояние осталось, но с уровня социального оно переместилось на уровень более глубокий, духовный — в той его составляющей, где оно охватывает личность человека. Лик — лицо — личность — личина. Это корневое родство возможно лишь в христоцентрической системе ценностей. Воспринятая им целиком она дала в творчестве великое разнообразие трактовок. Это и внутреннее предстояние Лику Творца (стихотворения «Он», «Вальс», «Застывает рекою рождественской...»), и описания «лица не общих выражений» наших современников («Железнодорожник», «Афганец», «Мальчик-слепой», «Николай»). Встречи с личиной — маской впечатляют не меньше («Небо на земле», «Вертеп», «Змей Петров», «Коза и гусь», «Крыса»).

Удивительно, как органично все это вмещает личность самого автора. Даже в самых ранних социальных зарисовках, не говоря уже о последних стихах, таких, как «Прогулка. Питер», «300-летняя весна Петербурга», нет бытового прочтения. Отсюда такой многоуровневый метафорический ряд. Для того чтобы в нем разобраться требуется, порой, не один раз перечитать текст. Если же эта работа будет читателем проделана, то повседневные частности выстроятся в его сознании в ассоциативные смысловые ряды, ориентированные на вертикаль Истории. По этой вертикали происходят совсем другие соединения, нежели по горизонтали формальной житейской логики:

*Заспиртованный младенец спит в Петровской колыбели
улыбается метели и подмигивает мне...*

В информационной засоренности современного пространства слово теряет свою силу из-за того, что покрывается разными контекстуальными наростами, — из области науки исторической, филологической, социологической или иной прочей. И лишь поэт продолжает видеть в слове знаки-символы мироздания.

*Слова! Слова!
Мне не хватает слова голого.
Достаточно ль эллинистического слуха
Услышать вам Гомера нового?*

Претендовать в наше время цитат, бесконечных повторов, потери простоты на звание Гомера нового может лишь безумец. Этимологически безумец — это человек без умысла, а не без ума, живущий вне концептуальных построений эпохи, не управляемый стереотипами поведения, вписывающий себя лишь в одну систему — в поток Творения. Неповторимое поэтическое дарование Юрия Шевчука помогает ощутить этот поток, почувствовать себя его частью, не растворяясь в нем, но соединяясь с целым по закону любви.

Татьяна Ковалькова

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Вальс

Дай хоть на секунду испытать святую милость,
Снег, вчера упавший, расспросить про Небеса.
Что бы с этим снегом равнодушным не случилось,
Слышать доносящиеся с неба голоса.
И догнать бредущую в беспамятстве дорогу,
И вернуть на место землю, как заведено,
Покажи нам чудо, чтобы видно было многим,
Как перевоплощается в кровь твое вино.
Ветрами, морозами, хоть чем-нибудь — поверьте!

Покажи нам чудо, злую осень покажи.
 Жизнь всегда любит великопной смертью,
 Смерть всегда отчаянно запоминает жизнь.
 Если бы хоть строчка этой ночью получилась,
 День жужжал и жег бумагой белой на столе.
 Все, что потерял я, отлюбил, что не свершилось
 Вырастет подстрочником зеленым на золе.

Дай мне оправдать твою безжалостную милость,
 Верными аккордами подыскать ключи
 В сад, где все начала, все концы, куда стремились
 Мы, когда нас резали и штопали врачи.
 Вырваться за грань уютной, проданной свободы,
 Выбраться на волю сквозь витрины-миражи,
 Лечь в траву сухую и увидеть свои роды.
 Бабка-повитуха — смерть, хоть что-нибудь скажи.

***

Мы вечно в пути, мы — голодное где-то.
 Мы отчаянная, ненадежная жизнь.
 За краюху безумного этого света
 До последнего, парень, держись.
 Крест на изорванной, штопаной коже,
 Под тельняшкою рвется и пляшет душа.
 Я смотрю на живые и грязные рожи,
 Дорогие мои кореша.

Без погоды, в дерьмо и кипящую воду
 Вылетаем, надеясь успеть до зари.
 Мы — недоеденная свобода,
 Мы — солдаты удачи, судьбы звонари.
 Крест висит на соленой от прошлого коже,
 Под тельняшкой горит и рыдает душа.
 Чье-то небо целует наши пыльные рожи,
 Чье-то небо нам отдается спеша.

Мы спасаем наш мир от дряни и порчи,
 Заеда тоской и надеждою снег.
 Мы стоим над могилою-пропастью, молча,
 Наблюдая, как в вечность ползет человек.
 Почерневшая от предчувствий и страха,
 Бьется жила на белом от боли виске.
 Мы в последнюю, ночную атаку
 Поднимаем себя с живота, налегке.

***

Соскочивший с дороги,
 упавший на полном ходу,
 Всё для драки готово,
 с землёю спиною к спине,
 Я смотрел на настигшее время
 и в смертном бреду
 Прошептал твоё имя,
 и мир обратился во мне.

Что-то было, не помню, ещё, их глаза-голоса
 Чьи-то рвали дома,
 кто-то вешал и бил фонари,
 Над Москвою горели непроданные небеса,
 Мы смотрели на них, задыхаясь от этой зари.

Так тревожно любить —
 ворожили на мне не дыша
 Твои лица и пальцы, врачи отрезали грехи.
 В нашей длинной стране дураки умирают спеша,
 Чтобы, снова родившись, писать неземные стихи.

Я пронёс твоё имя, назвал берега всех дорог
 Верным словом Любовь, с запятыми —
 прощай и прости.
 На стальных облаках косит прошлое
 ревностный Бог,
 Подрезая людей, чтоб они продолжали расти.

Сон

Э.Ш.

Лётчик в самолёте говорил о птицах,
 погружались в землю медные огни.
 Может быть нам, друг мой, больше не садиться,
 разделить с пернатыми оставшиеся дни.

Ангелы и бесы, черти, херувимы,
 ты в окно влетела, села на постель.
 — Как наш сын? — спросила. — Под звездой одни мы.
 Я смотрел на окна, сбитые с петель.

— Хочешь, полетели — покажу, где свили
 Мне пространством время, оглянись, чудак.
 Мы бродили в странном, параллельном мире —
 В сказке или детстве, но чуть-чуть не так.

Ветрами влекомы зеркала, машины,
нет границ у слова, с правдой слита ложь,
серебро Шагала — вещие картины.
— Где мы? Улыбнулась: всё потом поймёшь.

И в небесном Храме плыли наши лица,
Феофан расписывал там иконостас...
Лётчик в самолёте врал о райских птицах,
а в иллюминатор улыбался Спас.

Метель августа (Новое сердце)

Небо звездное, метель августа,
На дороге — машин канителица,
Возят засуху, а мне радостно,
Знаю точно — погода изменится,

Я смотрю наверх, там, где мы живем —
Так все тихо, сухо да правильно.
Я ж из тех, кому нет победы днем,
Я — как степь, дышу сном несправедным.

Я по засухе — ведро полное,
Между фар — лисой, живьем пламени.
Я так мал, а вокруг все огромное,
И плевать, что ни ружья, и ни знамени.
Небо звездное, сердце августа,
Оглянись, рассветает пророчество,
Тело-степь — мое одиночество,
Смерти нет, но всегда — пожалуйста.

Небо звездное, руки августа,
На дороге — машин метелица,
Что пожнем, когда пыль рассеется,
Степь красна, как чернила Фауста.

Ночь светла, как круги от времени,
Что забросил я в смерть уставшую,
Все дороги растут из семени,
Недошедшего, недоставшего.

Жду от нового — века белого,
Продолжения понимания,
Что мы — часть всего безответного,
Что мы — ночь всего ожидания.

.....

Новое сердце взорвется над нами,
Новая жизнь позовет за собой,
И, освященный седыми веками,
Я, как на праздник, пойду в этот бой.

Любовь, подумай обо мне

Когда огонь ударил в пляс, а звезды — иглы-палачи,
Когда судьба в урочный час орало плавит на мечи,
И ветер больше не живет, и падший ангел на коне,
И никого никто не ждет...
Любовь, подумай обо мне.

Когда оглохли времена, и в заколоченной дали
Растет еще одна стена, и мир, как злые сны Дали,
И различаешь слабый пульс в заросшей кожею стране,
И не уйти от дуль и пуль...
Любовь, подумай обо мне.

Когда вернется в города живая, умная вода,
Продолжит уцелевший путь пускай не я, пусть кто-нибудь.
Я стану пеплом на ветру, дождями на твоём окне,
И, если даже не умру...
Любовь, подумай обо мне.

Храни меня среди огня, мой светлый звук тебе, мой друг.
Ты кормишь хлеб, ты веришь в соль, и легок крест,
и прост пароль.
И если даже я на дне, любовь, подумай обо мне.

Фома

Я часто не верю, что будет зима,
Когда душной ночью лежу на полу
И мажу сторевшую спину кефиром —
Глупый Фома без креста и квартиры,
Мне даже не верится, что я живу.

Я часто не верю, что на небесах
Нашей любовью архангелы правят.
Ты молча уйдешь, я останусь один —
Несвежий покойник на похоронах,
Не в силах обряд этот чем-то исправить.

Жизнь наша — поле ряженных мин.
Я брел по нему, я метался на нем.

И, видя, как клочьями рвется мой друг,
 Я верю с трудом в очищение огнем
 И часто не верю в пожатие рук.

Я часто не верю большому себе,
 Когда замираю личинкою малой
 Под пыльным стеклом в летаргическом сне,
 Я больше не верю в слова-одеяла
 О том, что еще мы с тобой на коне.

Распухшая ночь сдавила виски,
 На лике ее фонари отцветают.
 Я шабашу на кухне в дырявом трико,
 Под тяжестью строк волоса облетают...
 Как хочется верить в свое ремесло.

***

По утрам я Моцарт,
 По ночам Сальери.
 Стал петлёю нотной
 в потном Англетеере.

Окна на Исаакий —
 Купола под снегом,
 Старый амфибрахий
 Замечает следом.

Вьюга замотала,
 Хочется напиться,
 Стать пустым каналом
 Или белой птицей.

Хочется покоя,
 Ангелов на крыше,
 Выйти из запоя
 И чтоб всё — потише.

Почему я лезу
 В петлю в Англетеере?
 Нужно до зарезу
 Это новой вере.

Что же, получите
 Короля Пальмиры,
 Только не взыщите,
 Нет в карманах лиры.

Я её поставил
 Под Рязанью, в сени...
 По ночам я Сталин,
 По утрам Есенин.

Пропавший без вести

Закрылась дверь, он вышел и пропал,
 навек исчез — ни адреса, ни тени.
 Быть может, пепел что-то рассказал
 про суть дорог и красоту сирени.
 Пропавший без вести, скажи, как не найти,
 открыткой стать и вырваться из сети.
 Неверный шаг, растаявший в пути,
 Всеперемалывающих столетий.

Я замечаю, вижу — ты везде
 лежишь печально снегом на аллеях,
 в листве сырой, в растрепанном гнезде,
 на мертвых пулях и убитых целях.
 Пропавший без вести, я где-то замечал
 твои глаза, улыбку и походку.
 Ты, исчезая, что-то мне кричал
 о злой любви и требовал на водку.

Пропавший без вести смешал весь этот мир,
 добавил в сущность — ложку человека
 без наготы, без ксивы и квартир,
 Лишь на секунду выпавший из века.
 Пропавший без вести, ты знаешь обо всем
 о том, как выйти за пределы смысла.
 Не воскресен, но вечен, с Ним и в Нем
 уничтожаешь формулы и числа.

Жизнь дорожает, выбившись из сил,
 зализывает раны после драки.
 А ты на этом полотне светил
 мне подаешь таинственные знаки.
 Пропавший без вести, я верю — ты живой,
 Вас — миллионы бродят между нами.
 Взгляните на могилы с номерами
 и на свой путь — очерченный, прямой...

Пропавший без вести —
 Я назову Тобой дорогу.

***

В Иерусалимском серебре,
 Одета в ночь, судьбу и камни,
 Ты помолилась о заре,
 Но в небесах закрыты ставни.
 Ты вспоминала обо мне,
 Не знала, что настолько грешен
 В Иерусалимском серебре
 Вид голых яблонь и черешен.

Дуэль

...Письмо Геккерну — ярость, боль и мат,
 стакан воды с окна у «Беранже»,
 короткий разговор с Данзасом, Летний сад
 Месье Лепаж — свинцовое драже.
 На Троицком мосту, в цвету — жена,
 Не угадавшая ни мужа, ни судьбу,
 Что отражалась на арапском лбу,
 И, как часы, была заведена.
 «Всё решено — дуэль, я не сверну,
 Пускай потом прибьют гвоздём ко дну,
 Пускай распнут, повисну на ноже,
 Пускай в Михайловском хоть с плугом на меже,
 На Чёрной речке, вечером, к пяти.
 Я не сверну, и с рифмы не сойти...»

Темнело быстро, небо прятало войну,
 Д'Аршиак с Данзасом втаптывали в снег
 Барьер бессмертия, холодную луну,
 Последний вздох и час, блестящий этот век...
 Темнело быстро, и в морозный горизонт
 Стучала мысль — предсказанный финал,
 Лишь мёрзлый ветер брил деревьев сон
 А за кустом, дрожа, старик Геккерн стоял.

«Удобное ли место? — всё равно.
 Скорее бы, уж не видать ни зги.
 Дантес, подлец, желание одно —
 Вогнать свинец в его холёные мозги!
 Все! Начали! К барьеру! К чёрту страх,
 Пускай убьют, судьба моя со мной,
 Поплыли облака, мундиры, пальцы на курках,
 Рванули кони, жизнь сворачивалась в бой...»

И в дикой скачке бледных фонарей,
 И в шёпот нервный, мёртвый у дверей,
 И в клетках порванных — осиный, дикий вой...
 Он знал одно, что он один живой.
 Он знал одно, что он не промахнулся,

— «Хотел его убить, но рад, что смерти нет,
 Дай руку, друг, идём туда, где свет!
 Свободен я» — и в вечность улыбнулся...

Понимающее сердце

Понимающее сердце
 По дорогам павшим бродит
 Еле слышно между нами
 Съеденными городами
 Что-то ищет и находит
 Что-то ищет и находит
 Разгребает там, где воеет
 Языкастыми ветрами

Понимающее сердце
 Носит хлеб в худых карманах
 По заснеженному полю
 Ищет пепел дорогого
 Понимающее сердце
 Я погиб в далёких странах
 Подари мне крошку неба
 Нитку облака родного

Понимающее сердце
 Я забыл дорогу к морю
 Только падать и бороться
 Научился в совершенстве
 Я устал ходить по краю
 Умирать в пустом блаженстве
 На холодных свалках улиц
 Я тебя собою вскрою

Понимающее сердце
 Нам всегда помочь готово
 И взорвётся и воскреснет
 Если им хоть кто-то дышит
 У разбитого корыта
 У смертельного больного

Умиряет тех кто видит
 Утешает тех кто слышит
 Понимающее сердце
 Укрепляет тех кто любит
 Тех кто верит очень скоро
 Позовёт с собой в дорогу
 Понимающее сердце
 И простит нас и рассудит
 И распятое на Мойке
 Отогреет понемногу

Луна зевает на тропарь,
 Комета подметает лёд,
 Собачка воеет на фонарь,
 Сижу в снегу как... идиот.
 Мне чудится, будто
 Открылся мне Будда...

Бреду по бесплодному, грязному лесу,
 Грызу с голодухи костлявые ветки,
 Лосиные мухи терзают завесу
 Реальности в самострадающей клетке.

Падшие Ангелы спят в моей шкуре,
 Страх, рефлексия, охотники, волки
 Сшибают рога, я читал в партитуре
 Про свободную жизнь и зубы на полке...

Я сижу на снегу,
 В хлев манит тёплый бес.
 Пардон, не смогу. Сбегу.
 Я выбираю лес...

Новая жизнь

Вышел из комы ночью,
 Там где храм на крови без крова.
 Капельницы в клочья,
 Жить начинаю снова.
 Разлетелась вода снегом,
 Белой ваты жую мясо,
 Волчьим, вещим дышу бегом,
 Небо красное — будет ясно.
 Разродилась звезда ливнем,

Порвала на ольхе платье,
Процарапав тайгу бивнем,
Воробьиною рвёт ратью.

Зарастаю забытым словом
На завалинке с домом-дедом,
Парюсь в бане, чтоб свежим, новым
Для охотника стать следом.

Хорошо бы воды холодной
Он за руку меня дёрнул.
Я ему — «Ты чего, родный?»,
А он ствол достает черный...

Закричала ворона белой,
Бессознательной, злой клятвой.
Эх, убитое мое тело,
Всё родимые мои пятна.

Новая жизнь